

А. А. Смирнова

Петроградская организация меньшевиков в сентябре–октябре 1917 г.

В статье рассматривается кризис петроградской организации меньшевиков осенью 1917 г., вызванный как резко ухудшившейся социально-экономической обстановкой в стране, так и продолжавшем развиваться кризисом в самой партии меньшевиков.

The article is devoted to the crisis of the Petrograd organization of the Mensheviks in 1917 which was caused by a rapid deteriorating socio-economic situation in the country and developing of the crisis in the party Mensheviks.

Ключевые слова: революция, Петроградская организация меньшевиков, кризис, политические партии, меньшевики.

Key words: Revolution, Petrograd organization of the Mensheviks, the crisis, the political parties, the Mensheviks.

Проявившиеся к осени 1917 г. самые различные факторы (социально-экономические и политические, революционные и контрреволюционные) способствовали распространению представлений о том, что «буржуазное общество зиждется на песке», что страна «накануне перехода к новому социальному строю» [8, с. 45; 11, с. 230]. И представления эти усиливались все расширяющимся опытом непосредственного вторжения рабочего класса в сферу производства. «Чем дальше, тем яснее становилось, что роль, сыгранная рабочими в революции, закрепила за ними доверие широких народных масс не только в тылу, но и на фронте, в солдатской среде, – писал впоследствии И.Г. Церетели. – И вот теперь, чувствуя себя физически сильнее буржуазии, пролетариат должен был оценить ее удельный вес на основании данных, которые не бросались в глаза и как бы были отодвинуты событиями революции на задний план: роли буржуазии в производстве, ее связи с технически образованными элементами, ее влияния на мелкую городскую и сельскую буржуазию. Имея возможность попытаться захватить власть, рабочий класс должен был удержаться от этого, понять, что экономическое состояние страны не давало ему возможности осуществить свое полное социальное освобождение» [12, с. 37]. Кажущееся неоспоримым это суждение (сделанное спустя несколько десятилетий) не учитывает накаленность обстановки осени 1917 г., непримиримость

социальных антагонизмов, которая зависела не только от «несознательности» рабочего класса, но и от благоразумия буржуазии. Наконец, многое зависело от политических партий, стоявших как у власти, так и в оппозиции к ней.

Все эти факторы, повлиявшие на новую политическую ориентацию рабочих Петрограда, самым негативным образом отразились на состоянии Петроградской организации меньшевиков, равно как и партии в целом. Признавая «несомненный факт полного краха меньшевистского крыла социал-демократии», газета «Новая жизнь», отражавшая точку зрения меньшевиков-интернационалистов, писала: «Кто знаком с положением в петроградской крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тыс. членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания проходят при ничтожном количестве в 20–25 человек. Членские взносы не поступают, тираж "Рабочей газеты" катастрофически падает» [3, 29 сент.]. ЦК меньшевистской партии, получая неутешительные сведения из своих районных организаций в Петрограде, не мог здесь ничего возразить: ведь в Василеостровской организации, насчитывавшей ранее 3 тыс. членов, теперь перерегистрировалось только 110, а остальные либо ушли к большевикам, либо просто выбыли, и потому в организации «настроение подавленное, равнодушное» [11, с. 217].

Петроградская организация меньшевиков, в которой ведущую роль играли интернационалисты, тщетно пыталась найти такую линию, которая могла бы сохранить ей лицо и рабочие массы одновременно. Показательно в этом отношении воззвание Комитета Петроградской организации меньшевиков в связи с перевыборами исполкома Петроградского Совета. В нем констатировался тот неприятный для меньшевиков факт, что «старое большинство Совета потеряло свое влияние в рабочих и солдатских массах Петрограда», что «даже без перевыборов Совет отверг его политику, политику коалиции с цензовыми слоями». В возвании акцентировалась мысль, нельзя сказать что новая, о том, что классовая линия пролетарской партии лежит между двумя флангами российской революции, против тех, кто проповедует коалицию с цензовыми элементами, поскольку власть должна принадлежать народу, и против тех, кто стремится к захвату власти Советами рабочих и солдатских депутатов. «Против большевиков, против оборонцев – за меньшевиков-интернационалистов», – призывало воззвание [3, 17 окт.]. 10 голосов, поданные за меньшевиков-интернационалистов, красноречиво говорят об их влиянии на рабочих депутатов Петроградского Совета.

23 сентября 1917 г. в помещении редакции «Новой жизни» состоялось собрание вышедших и намеревающихся выйти из партии меньшевиков-интернационалистов для обсуждения вопроса о создании «самостоятельного партийного центра», который объединил бы интернационалистское крыло социал-демократии. Выступивший с докладом Б.В. Авилон, указав на «глубокие принципиальные разногласия и расхождения с большевиками», высказался против вхождения в партию большевиков и за образование самостоятельной интернационалистской организации, стоящей на платформе «Новой жизни». Представители районных организаций поддержали это предложение, отметив при этом, что «сожитительство с оборонцами в пределах единого партийного центра окончательно приостановило работу на местах и фактически привело к развалу рабочих организаций». Но и здесь не было единства: некоторые из выступавших высказывались и «за организованное присоединение к большевикам» [7, 24 сент.].

27 сентября состоялось второе собрание меньшевиков-интернационалистов, на котором были заслушаны выступления активных работников районных организаций по вопросу о создании самостоятельной петербургской организации. Все они высказали твердое мнение, что дальнейшее пребывание «в лоне "объединенной", насквозь пропитанной оборончеством и духом соглашательства партии категорически отвергается интернационалистски настроенными рабочими». После обсуждения собрание высказалось за создание «организации объединенных социал-демократов интернационалистов пока в петербургском масштабе» и с этой целью образовало Организационное Бюро [7, 29 сент.]. В тот же день объединенное собрание меньшевиков-интернационалистов, членов ЦК, КПО, Предпарламента и других организаций, обсудив вопрос о политике ЦК РСДРП (объединенной), не стоящей на высоте понимания задач революции и интересов пролетариата, постановило отозвать меньшевиков-интернационалистов из ЦК партии [7, 29 сент.]. 28 сентября прошло расширенное собрание меньшевиков-интернационалистов с активными работниками всех районов по вопросу об отношении к РСДРП (объединенной). Некоторые выступавшие отмечали, что пребывание с оборонцами в одной партии и привело к крушению классовой политики пролетариата. Однако Ю.О. Мартов и А.С. Мартынов высказались за сохранение организационной связи с оборонцами в целях их «интернализации» [7, 30 сент.]. Но окончательно решение в очередной раз было отложено на потом.

В свою очередь оборонцы на своем собрании 26 сентября 1917 г. констатировали, что совместная работа с интернационали-

стами в рамках одной организации невозможна. В. Мирон утверждал, что «интернационалисты и оборонцы люди совершенно разные как по настроению, мировоззрению, так и по своим убеждениям». В.А. Маевский, отметив, что «линия интернационалистов почти сливается с линией большевиков», тем не менее предлагал «попытаться сговориться с интернационалистами в вопросе об Учредительном собрании и провести избирательную кампанию вместе». Против окончательного размежевания высказались и другие выступавшие, не без оснований полагавшие, что «при самостоятельных выступлениях при выборах оборонцы заранее обрекают себя на полную неудачу» [2, 28 сент.].

Серьезные разногласия выявились в ЦК РСДРП(о) в связи с так называемыми циркулярами министра внутренних дел А.М. Никитина, представлявшего в правительстве Керенского меньшевистскую партию. ЦК меньшевиков не мог уже не реагировать на распоряжения своего представителя в правительстве, объявлявшего всероссийскую забастовку железнодорожников противогосударственной и угрожавшего привлечь к судебной ответственности ее участников. На заседании ЦК РСДРП(о) 24 сентября 1917 г. целый ряд его членов поставили вопрос о том, чтобы потребовать от министра внутренних дел объяснений «по поводу вносимой дезорганизации в рабочее движение, провоцирующей на безнадежные и вообще ненужные революционные вспышки» [4, с. 294]. Ю.О. Мартов вообще предложил не считать Никитина официальным представителем партии и дать негативную оценку его «ряду действий», но это предложение не прошло [4, с. 296]. Тем не менее ЦК на этом заседании постановил «затребовать от Никитина объяснения по поводу изданных им циркуляров, чтобы в случае, если эти объяснения окажутся для ЦК неудовлетворительными, официально дезавуировать Никитина и предложить организации, к которой он принадлежит, решить вопрос о совместимости указанных действий т. Никитина с принадлежностью к партии» [4, с. 297]. Вопрос о Никитине еще дважды рассматривался на заседаниях ЦК меньшевиков 29 сентября и 2 октября 1917 г. Однако строптивый министр не захотел подчиниться своему ЦК, и 4 октября обратился в ЦК с письмом, в котором, заявив о своей отставке, снимал с себя ответственность за последствия своего демарша на правительственном уровне [6, с. 68].

Не было единства в меньшевистском руководстве и по вопросу о «конструкции правительства». Все его члены сошлись на заседании ЦК лишь в том, что принцип партийного формирования уже нарушен правительством, и, по мнению Мартова, он уже был «абсолютно не пригоден ни сам по себе, ни для членов Временного

правительства» [4, с. 286]. Но если Мартов предлагал выход членов меньшевистской партии из правительства, то Ф.И. Дан и другие продолжали настаивать на том, что партийное представительство все еще возможно [4, с. 295–296]. На состоявшемся на следующий день повторном обсуждении этого вопроса на заседании ЦК И.Г. Церетели высказался за то, что «избегнуть желательно участия во Временном правительстве, но позволить членам партии вступать в него в каждом случае с разрешения ЦК» [4, с. 301]. Мартов, напротив, настаивал на ответственности министров перед партией, их делегировавшей. В результате ЦК высказался за участие социал-демократов во Временном правительстве, но каждый раз они должны были входить в это правительство с разрешения ЦК [4, с. 302].

Оставалась еще надежда на Предпарламент, который, по мнению центрального органа меньшевиков «Рабочей газеты», должен был стать «новым крупным фактором в развитии нашей революции», «сыграть исключительно крупную политическую роль в деле создания революционной власти на демократической платформе» [9, 23 сент.]. Но это была всего лишь иллюзия, поскольку и сама партия меньшевиков пришла в Предпарламент разобщенной и расколотой.

Руководство меньшевистской фракции во Временном демократическом Совете республики, состоявшее исключительно из центристов и правых оборонцев – Ф.И. Дан (председатель), С.Л. Вайнштейн, Ф.А. Череванин, А.Н. Потресов, С.М. Зарецкая, М.И. Шергов – попыталось обеспечить сплочение разнородных отрядов партии дисциплинарным путем [1, с. 61]. Впервые был принят специальный регламент, запрещающий любым группам и фракциям партии выставлять своих отдельных от утвержденных руководством докладчиков и ораторов. Однако это тут же возымело обратный эффект. Меньшевики-интернационалисты, против активности которых (недаром им не предоставили ни одного места в Бюро фракции) и принимался в основном упомянутый выше регламент, немедленно заявили о выходе из состава общепартийной фракции и создании собственной. Остановить их не смогло и решение ЦК РСДРП(о), заявившего 10 октября о том, что признает «представляющей партию только фракцию РСДРП (объединенной)» [4, с. 337]. В принятой резолюции ЦК образование интернационалистами своей фракции называлось «актом явного раскола» [4, с. 334]. Впрочем, это не было неожиданностью. В стремлении отмежеваться от губительной, по их мнению, в условиях нарастающего общенационального кризиса политики ЦК меньшевики-интернационалисты заняли самостоятельную позицию не только в Совете Республики, но и во Всероссийском ЦИК Советов и Петросовете [3, 10 окт.; 9, 13 окт.]. Во всех

этих представительных органах они, как правило, не только воздерживались при голосовании партийных резолюций, но нередко и открыто выступали против, внося либо свои проекты, либо поддерживая проекты большевиков или левых эсеров. Тем не менее лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов в письме Н.С. Кристи от 9 октября 1917 г. признавал, что «солидной силы мы собой не представляем», что «массы не склонны нас поддерживать, а предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу – к большевикам...» [4, с. 401–402].

Последовательно отстаивая свое официально конституированное согласно решениям августовского Объединительного съезда право иметь особое мнение, оставаясь внутри партии, меньшевики-интернационалисты в то же время отказывали в этом тем, кто в свою очередь оказался в меньшинстве в организациях, находящихся под их контролем. Так, имея гарантированное большинство в Комитете Петроградской организации (КПО), они жестко требовали от оборонческого меньшинства, представлявшего в ту пору добрую половину организованных рабочих-партийцев Питера, неукоснительного соблюдения принципов централизма. Дан публично охарактеризовал эту политику интернационалистского КПО как «политику ленинских комитетов доброго старого времени, для которых пресловутое "Что делать?" служило *Евангелием* и пророками» [9, 13 окт.].

Заявление меньшевиков-интернационалистов с обоснованием решения принять самостоятельное участие в работе Совета Республики выглядело как декларация об окончательном разрыве отношений с официальным партийным руководством. Без прямого указания адресата именно ему ставилась в вину вся сумма семимесячных поражений и ошибок. В первую очередь речь шла о банкротстве коалиционной политики, которая позволила цензовым кругам «во имя своекорыстных классовых интересов» проводить внутри правительства и в стране в целом «планомерный саботаж», пытаясь «затягиванием войны и срывом всякой творческой работы задержать развитие и укрепление революции и отбросить ее назад». «Большинство организованной демократии» критиковалось и за отсутствие решимости взять власть в свои руки и «повести страну по пути коренных революционных преобразований и ликвидации войны на основе общего демократического мира». Результат «этой капитуляции большинства организованной демократии» не мог быть оценен иначе, чем воссоздание изжившей себя коалиции «на началах фактического возобладания контрреволюционных кадетско-корниловских элементов» [5, с. 132].

Вся тональность этого заявления и характеристика Предпарламента как «ублюдочно-законосовещательного» мало чем отлича-

лись от большевистских. Но если для большевиков все это органично служило обоснованием решения покинуть Совет Республики, то у меньшевиков-интернационалистов призвано было доказать диаметрально противоположное – необходимость остаться, чтобы иметь возможность «бороться за интересы революции против цензовых элементов» на одной «из арен открытой классовой борьбы». Здесь предстояло разоблачать и «контрреволюционный характер всего режима коалиции», и политику «саботажа революции», и «провокации гражданской войны», исповедуемые цензовиками, и «капитуляцию перед ними социалистического большинства». Здесь же надлежало «отрывать отсталые слои демократии от коалиции» [5, с. 132]. После оглашения этого заявления член бюро меньшевистской фракции Предпарламента С.Л. Вайнштейн (Звездин) в интервью газете «День» расценил его как шаг на пути к внутрипартийному расколу [2, 11 окт.].

Ю.О. Мартов полагал, что в столь критический для страны момент меньшевики-интернационалисты не имеют права отказываться от самостоятельных выступлений, ибо только подобным образом могут еще спасти престиж меньшевистской партии, так страшно скомпрометированной ошибками оборонческих лидеров. Спасаящие престиж партии, естественно, не думали о ее расколе. Вот почему, беседуя с тем же корреспондентом, что и Вайнштейн (их интервью публиковались в «Дне» одновременно), Мартов заявил: «Я полагаю, что образование двух фракций не может отразиться на положении нашей партии, так как мы там, как и раньше, имея право меньшинства выступать самостоятельно, не имеем никаких поводов для того, чтобы организовывать свою партию» [2, 11 окт.].

В противоположном лагере общего мнения по данному вопросу не было. Ф.И. Дан весьма критически относился к «автономизму» интернационалистов, очень близкому, по его мнению, к «федерализму», т. е. существованию своего рода партии в партии [9, 13 окт.]. Не без основания полагая, что всякие действия подобного рода вызывают непременно противодействие, он подчеркивал, что прямым следствием их стало появление на другом крыле партии – оборонческом – «людей и вождей», которые все свои силы употребили не на завоевание партийной организации путем работы внутри нее, не на мобилизацию пролетариев – членов партии ... для поддержки ЦК в его усилиях охранить единство партии ценою компромиссов и взаимных уступок», а на организационное оформление торжества «застарелой кружковщины» [9, 13 окт.].

Серьезным поводом к расколу стал конфликт между интернационалистским руководством КПО и ее оборонческой частью во главе с А.Н. Потресовым. Особую остроту приобрел вопрос о вы-

ставлении кандидатур Церетели и Чхеидзе в одном из столичных списков кандидатов в Учредительное собрание [7, 6 окт.]. Испытывая определенную неловкость от того, что питерская партийная организация, находящаяся под контролем интернационалистов, демонстративно игнорировала лидеров партии, ЦК понимал нецелесообразность появления этих имен именно в списках по Петрограду. Хотя формальной мотивировкой отказа являлось то, что и Церетели, и Чхеидзе зарегистрированы уже в пяти других округах, реально все ощущали, что этот акт имеет политическую подоплеку.

18–21 октября в Петрограде прошла конференция организаций объединенных интернационалистов, которая выступила с осуждением мартовцев за то, что те «в разрез с собственными взглядами не порвали с оборонцами, на которых сами же обрушиваются с уничтожающей критикой» [5, с. 209]. Конференция была откровенно малочисленна и представляла в основном либо так называемую Московскую организацию объединенных социал-демократов, где ведущую роль играли малоизвестные тогда В.П. Волгин и Р.П. Катанян, либо сотрудников газеты «Новая жизнь» (В.А. Базаров, Г.Д. Линдов, Б.В. Авилов и другие, тяготевшие к большевизму). Именно новоженцы, инициировавшие данное действие, и составили большинство Центрального бюро этой организации.

Несколько ранее, 2 октября, одно из многочисленных в те дни собраний питерских оборонцев решило выставить свой самостоятельный список по шестому Петроградскому избирательному округу с включением в него и Церетели, и Чхеидз, без каких-либо предварительных переговоров с ЦК и независимо от их исхода, если они состоятся. Было образовано независимое Временное бюро избирательного комитета меньшевиков-оборонцев. 10 октября три его члена – А. Владимиров, С.М. Шварц и Ф.А. Юдин (последний был избран на августовском съезде членом ЦК по списку большинства) – выступили с заявлением об ошибочности данного решения [5, с. 210–211]. Но конфликт нарастал столь стремительно, что вскоре тот же Юдин оказался членом постоянного оборонческого избирательного Комитета, в состав которого входили также такие видные деятели партии, как кандидат в члены ЦК И.Н. Дементьев (Кубиков), ставший председателем Избиркома, Г.Е. Брейдо, В.О. Левицкий (Цедербаум), Евг. Маевский (Гутовский), Н.А. Чернов и др. [10].

Это было уже реальным шагом к расколу. И тут определенным амортизатором стала принципиальная позиция Церетели, который, переступив через личные амбиции и обиды, отверг публично от имени Чхеидзе и себя предложение оборонцев, понимая, что даже косвенное указание на причастность к ним ведущих деятелей партии и Советов явится серьезным фактором в утверждении тенден-

ций к сепаратизму. Признав за ЦК исключительное право на решение вопроса о составлении всех списков партийных кандидатов в Учредительное собрание, Церетели внес весомый вклад в усилия центристов обеспечить пусть временное, пусть непрочное, но все же единение партийных рядов.

Список литературы

1. Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса: Первая декада окт. – конец дек.: док.-ист. очерк // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. – М., 1997. С. 59–122.
2. *День*. – 1917.
3. *Искра*. – 1917.
4. *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября). – М., 1996.
5. *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. – М., 1997.
6. Ненароков А.П. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1. – М., 1996. – С. 13–71.
7. *Новая жизнь*. – 1917.
8. *Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов*. Ч. 2. – М., 1927.
9. *Рабочая газета*. – 1917.
10. РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 150. Л. 4 об.
11. Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. – СПб., 1993.
12. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. – Париж, 1963.